

Научная статья / Original research article

УДК 316.36:316.346:314.15

DOI: <http://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-3-118-133>

EDN: CABWFO

Отцовство в общественном мнении: социально-демографический анализ в контексте семейной политики

Ш. Ф. Фарахутдинов^{1*}, Л. Л. Мехришвили²

¹Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень, Российская Федерация

²Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Российская Федерация

*fshamil@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению социально-демографической специфики восприятия отцовства в современной России. Актуальность исследования обусловлена трансформацией института семьи, изменением гендерного разделения родительского труда и включением развития вовлеченного отцовства в число приоритетов государственной демографической политики. Цель работы — выявить различия в оценках сложности отцовской роли и в содержании образа идеального отца в зависимости от пола, возраста и уровня образования респондентов. Эмпирической базой выступили данные всероссийского телефонного опроса ВЦИОМ (N = 16 00, декабрь 2025). Применялись методы вторичного анализа данных, включая построение таблиц сопряженности, расчет критерия хи-квадрат Пирсона, t-критерия Стьюдента и коэффициента V Крамера. Результаты показывают, что две трети респондентов оценивают отцовство как скорее трудную роль; наиболее оптимистичные оценки характерны для возрастной группы 29–33 лет, при этом у женщин пик оптимизма сдвинут на 24–28 лет, а у мужчин – на 29–33 года. Образ хорошего отца включает как традиционные компоненты (материальное обеспечение, защита, авторитет), так и современные (эмоциональная близость, участие в воспитании). У женщин этот образ связан с эмоциональной составляющей и инструментальными функциями, а мужчины чаще артикулируют статусно-нормативные аспекты. Образовательный уровень также дифференцирует восприятие: в группах с невысоким образованием чаще востребовано физическое присутствие отца в повседневной рутине, при высоком — акцент смещается на качество взаимодействия и эмоциональную вовлеченность. Результаты свидетельствуют о неоднородности нормативных ожиданий. Практическая значимость работы заключается в возможности использования результатов для разработки мер поддержки отцовства.

Ключевые слова: семья, вовлеченное отцовство, социально-демографическая дифференциация, семейная политика, репродуктивные установки, общественное мнение

Финансирование и благодарности: Обработка и статистический анализ данных проведены Ш. Ф. Фарахутдиновым в Институте проблем освоения Севера ТюмНЦ СО РАН в рамках государственного задания Минобрнауки России (FWRZ-2026-0031, рег. карта 126022618031-4). Интерпретация материала и формулирование выводов осуществлялись Л. Л. Мехришвили в рамках научной тематики Института социологии ФНИСЦ РАН.

Для цитирования: Фарахутдинов Ш. Ф., Мехришвили Л. Л. Отцовство в общественном мнении: социально-демографический анализ в контексте семейной политики. *Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика.* 2026;(3):118–133. <http://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-3-118-133> EDN CABWFO

Fatherhood in public opinion: a socio-demographic analysis in the context of family policy

Shamil F. Farakhutdinov^{1*}, Lamara L. Mekhrishvili²

© Ш. Ф. Фарахутдинов, Л. Л. Мехришвили, 2026

¹Tyumen Scientific Centre SB RAS, Tyumen, Russian Federation

²Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS, Moscow, Russian Federation

*fshamil@mail.ru

Abstract. The article examines the socio-demographic specifics of the perception of fatherhood in contemporary Russia. The relevance of this study arises from the transformation of the institution of the family, shifts in the gender division of parental labor, and the increasing emphasis on engaged fatherhood as a priority of state demographic policy. This work analyzes differences in perceptions of how difficult it is to be a father and in views of the ideal father depending on respondents' gender, age, and educational background. The empirical base consists of data from a nationwide telephone survey by VCIOM (N=1 600, December 2025). The study applies methods for secondary data analysis, including contingency tables, Pearson's chi-square test, Student t-test, and Cramér's V. The results show that two-thirds of respondents consider fatherhood to be a rather difficult role. The most positive perceptions are characteristic of the 29–33 age group. Meanwhile, women are most optimistic at ages 24–28, while men are most optimistic at ages 29–33. The image of a good father includes both traditional components (financial support, protection, and authority) and recent ones (emotional closeness and involvement in childrearing). Among women, this image is associated with the emotional component and instrumental functions, whereas men more often emphasize status-related and normative aspects. Educational background also shapes perceptions of fatherhood. Respondents with lower education levels often prioritize the father's physical presence in daily family life. Respondents with higher education levels place greater emphasis on interactional quality and emotional engagement. The results indicate the heterogeneity of normative expectations. The practical significance of this work is that its results can serve to develop measures of support for fatherhood.

Keywords: family, fatherhood involved, socio-demographic differentiation, family policy, reproductive attitudes, public opinion

Funding and Acknowledgments: Data processing and statistical analysis were carried out by Sh. F. Farakhutdinov at the Institute for the Development of the North, Tyumen Scientific Centre of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (FWRZ-2026-0031, registration card 126022618031-4). Interpretation of the material and formulation of the conclusions were performed by L. L. Mekhrishvili as part of her current research and educational activities.

For citation: Farakhutdinov Sh. F., Mekhrishvili L. L. Fatherhood in public opinion: a socio-demographic analysis in the context of family policy. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics.* 2026;(3):118–133. <http://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-3-118-133>

Введение

Исследование общественного мнения об отцовстве и осмысление данного социального феномена обретает все большую актуальность в связи со стремительными трансформациями как в сфере гендерного разделения труда родителей, так и в системе современного семейного уклада. Мужская роль мужчины в семье сегодня наполняется все более сложным содержанием на фоне традиционного восприятия стереотипа главы семьи как авторитета, защитника и кормильца. Помимо создания материального благополучия, в современном общественном сознании все чаще проявляются ожидания непосредственного участия отцов в решении повседневных проблем семьи, в воспитании детей, в установлении с ними эмоционально-психологической близости, в проявлении понимания и эмпатии. Не случайно дефиниции «активное», «ответственное» и даже «вовлеченное» отцовство все чаще становятся предметом публичного дискурса.

Внешняя простота и целостность данных понятий не исключает ряд внутренних проблемных противоречий: формальное терминологическое единство скрывает содержательное различие общественных представлений об отцовстве, заключающихся в дуальности материальной и эмоциональной сфер жизнедеятельности. С одной стороны, это материальная ответственность отца за семейное благосостояние, экономическое обеспечение, социальную защиту; с другой — эмоциональный приоритет главы семьи в душевных коммуникациях, в повседневной заботе, в эмоциональной доступности. Этот подход не исключает и промежуточную позицию, при которой экспрессивная вовлеченность родителя являет собой дополнительную функцию, а не заменяет и не отменяет традиционные.

Отчетливо проявленное практико-ориентированное измерение отцовства традиционно доминирует в российском историческом контексте. При этом все чаще в семейной политике российского государства появляется тренд изменения роли мужчин в рождении и воспитании детей, усиления ответственности мужчин в создании семьи. На развитии культуры ответственного («вовлеченного») отцовства акцентировал внимание и Президент Российской Федерации В. В. Путин в декабре 2025 г. Этот посыл проявился не только в поручениях федеральному правительству и региональным властям по разработке и реализации практических мер, но и сформировался в качестве приоритетов демографической политики. Таким образом, отцовство, перейдя из субъекта внутрисемейной роли в объект институционального регулирования, поменяло сущность своего социального статуса.

Формирование представлений о новой роли отца в современных российских реалиях детерминирует целый комплекс факторов: семейные ожидания, уровень доходов, социальные характеристики, жизненный опыт представителей семейного сообщества, уровень образования, возраст членов семейных групп. Следовательно, исследователям семейно-демографических процессов и общественных ориентиров современной роли отцовства недостаточно останавливаться на фиксации некой сложившейся идеальной доминанты, а следует выявлять, анализировать и осмысливать все более проявляющиеся социально-демографические дифференциальные тенденции. Именно различия представлений социальных групп о востребованных в общественном сознании моделях отцовства должны лечь в основу оценки эффективности инициатив социальной политики и результативности практики семейной политики.

Представляется, что этот подход позволит реализовать задачи исследования: осмыслить сходства и различия традиционных и современных компонент идеального в образе отца; зафиксировать преобладающие ожидания различных социальных групп; выявить факторы, влияющие на полярность мнений и позиций. Понимание и оценка неоднородности смысложизненных ориентиров представителей семейных групп обретает важность и значимость в контексте развития и реализации адекватной социальным потребностям демографической и семейной политики.

Литературный обзор

В мировой научной литературе существует достаточно четкое разграничение между нормативной и практической функциями отцовства. Нормативная, выражающаяся термином *fatherhood*, — это комплекс культурных образцов и ожиданий, а также прав и обязанностей закрепленных в законодательстве. Практическая функция, обозначаемая как *fathering*, рассматривается как реальное поведение отцов по отношению к детям в различных жизненных ситуациях [1]. В социологии семьи это различие представляет собой ключевое концептуальное положение, отчасти созвучное ролевой модели структурного функционализма Т. Парсонса и Р. Бейлза. [2]. Согласно их подходу в традиционной нуклеарной семье родительские роли дифференцированы: отец выполняет инструментальную функцию, а мать — экспрессивную. Несмотря на то, что этот подход неоднократно критиковался, его аналитическая ценность в качестве операционального инструмента признается многими авторами. В рамках нашего исследования данная методологическая рамка позволяет рассматривать отцовство как баланс действенно-целевой и эмоционально-поддерживающих составляющих, наполнение которых различается социально-демографических группах.

Другим значимым теоретическим ресурсом выступает концепция гегемонной маскулинности, разработанная Р. Коннел [3]. Согласно этому подходу отцовство неотделимо от более широких представлений о мужественности и о том, каким должен быть «настоящий мужчина». Гегемонная маскулинность задает нормативный образец, которому отцы должны соответствовать. Е. Б. Хитрук исследовала эволюцию этой концепции и обозначила ее онтологическое значение для раскрытия механизмов гендерного неравенства в современных условиях [4]. А. Н. Липасова, опираясь на данную концепцию, проанализировала модели отцовства в современном российском среднем классе [5]. Е. О. Ермолова и Д. О. Радионова изучили феномен «ответственного отцовства» через призму влияния гегемонной маскулинности, определив, что традиционные принципы маскулинности могут выступать барьером на пути формирования вовлеченного отцовства [6]. Т. А. Гурко выявила разрыв между традиционными представлениями об отце-кормильце и реальными практиками вовлеченности, а также устойчивость материнской монополии на повседневную заботу о детях [7].

Еще одной продуктивной для нашей работы основой выступает концепция вовлеченного отцовства. Согласно ее базовым положениям, сформулированным М. Лэмбом и коллегами, участие отца в жизни ребенка проявляется через три аспекта. Во-первых, непосредственное взаимодействие, подразумевающее прямой контакт с ребенком в ходе рутинных взаимодействий. Во-вторых, доступность, предполагающая постоянное психологическое и физическое присутствие отца. В-третьих, ответственность, означающая не только принятие решений, но и организацию условий жизни ребенка. Методологическая функция этой модели проявляется в выведении отцовства за пределы простого присутствия в жизни ребенка и позволяет учитывать как интенсивное, так и

фоновое выполнение своей роли. В отечественных исследованиях данная рамка используется для анализа конкретных стратегий и практик отцовства. А. В. Авдеева, исходя из концепции Лэмба, выделяет стратегии участия отцов в уходе за детьми в современной России и показывает, что даже при декларируемой ориентации на вовлеченность повседневная забота остается преимущественно материнской обязанностью [8]. О. Н. Безрукова и В. А. Самойлова рассматривают вовлеченное отцовство как изменяющийся феномен, включающий ценностно-смысловые, аффективные и поведенческие компоненты. Авторы демонстрируют, что в российских семьях происходит постепенный сдвиг от традиционного к вовлеченному отцовству, однако межпоколенческая трансляция все еще воспроизводит традиционные паттерны [9]. И. О. Шевченко анализирует практики отцовства в различных типах семей и констатирует распространение вовлеченного отцовства и перераспределение трудовой нагрузки в пользу семейных обязанностей [10]. Т. К. Ростовская с коллегами анализирует социальный портрет одиноких отцов, исследуя спектр практик современного российского отцовства [11]. А. Л. Янак выстраивает многоуровневую факторную модель, влияющую на отцовскую вовлеченность на микро, мезо- и макроуровнях [12].

Комплекс представленных теоретико-методологических подходов в нашем исследовании создает предпосылки для эмпирического изучения общественных нормативных представлений об отцовстве, а также интерпретации данных в последующих разделах работы.

Материалы и методы

В исследовании применен метод вторичного анализа данных. Источником эмпирического материала выступила база данных ВЦИОМ, сформированная в рамках всероссийского телефонного опроса «ВЦИОМ-Спутник», проведенного 19 декабря 2025 г. Объем выборки составил 1 600 респондентов, статистическая погрешность — 2,5 % при доверительной вероятности 95 %. Массив охватывает вопросы, позволяющие реконструировать представления общества об образе отца, а также стандартный набор социально-демографических характеристик, включая пол, возраст, уровень образования, регион и тип населенного пункта¹. База данных размещена в открытом доступе, что обеспечивает возможность независимой верификации результатов исследования любым заинтересованным лицом, повышая тем самым объективность настоящей работы.

Аналитический инструментарий исследования включал комплекс статистических методов обработки данных. На этапе предварительной подготовки была проведена первичная обработка массива, которая предусматривала перекодировку и категоризацию переменных, а также группировку малонаполненных категорий для обеспечения статистической мощности. В отдельных случаях из анализа исключались невалидные

¹ Образ отца в современном обществе [Электронный ресурс] // Аналитический обзор ВЦИОМ от 13 янв. 2026. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-otca-v-sovremennom-obshchestve> (дата обращения: 27.01.2026).

наблюдения. Основной этап аналитической работы заключался в построении таблиц сопряженности и исследовании частот с применением критерия хи-квадрат Пирсона (χ^2), t-критерия Стьюдента для независимых выборок и коэффициента V Крамера как меры силы связи. Для вопросов с множественными ответами расчет статистических показателей осуществлялся по базе ответов, а не респондентов, что обеспечило корректность интерпретации ассоциаций. Аналитические процедуры выполнялись в пакете IBM SPSS Statistics 27 с соблюдением методологических требований к обработке социологических данных.

Результаты и их обсуждение

Восприятие трудности отцовской роли. Мнение респондентов относительно того, легко ли быть в современном обществе отцом, распределилось следующим образом: две трети респондентов (66,3 %) считают, что скорее трудно, пятая часть (20,3 %) полагает, что легко, а каждый шестой (13,4 %) затруднился с ответом. Для выделения возрастной специфики ответов на данный вопрос мы сравнили возраст в содержательных вариантах. Среднее значение возраста среди полагающих, что роль отца трудная, составило 43,26 лет, а среди тех, кто считает ее легкой — 49,45 лет. Различия оказались статистически значимыми (t — критерий Стьюдента $< 0,001$).

Характер рассматриваемой переменной, выраженный в полном количестве лет, то есть абсолютной шкале, позволил нам осуществить категоризацию и проследить возрастную динамику оценок трудности отцовства. В ходе категоризации мы установили пятилетние возрастные интервалы, позволившие достичь необходимый для текущей исследовательской задачи уровень детализации. При построении соответствующей таблицы сопряженности респонденты, затруднившиеся с ответом, были исключены из анализа. Тест на хи-квадрат указал на статистическую значимость различий в оценках трудности отцовства в разных возрастных когортах ($(\chi^2) \approx 59,32$; $(df) = 10$; $p < 0,001$). Для содержательного анализа мы рассмотрели долю ответов «отцовство — легко» в разных возрастных группах. Поскольку анализируемый вопрос предполагает дихотомическую шкалу ответов («легко» / «трудно»), а указанные варианты являются взаимодополняющими, анализ распределения ответов по одной из двух категорий позволяет реконструировать общую картину оценок. Динамика в группе респондентов, считающих отцовство трудным, будет обратной по отношению к оценивающим его как легкое.

Распределение ответов демонстрирует выраженную возрастную динамику. Наиболее оптимистично отцовство воспринимается респондентами в возрасте 29–33 лет. Более трети из них (36,2 %) выбрали вариант «легко». В возрастных группах 24–28 лет и среди тех, кто младше 22 лет, этот вариант отметило менее четверти респондентов (22,2 и 22,4 % соответственно). Аналогичным образом наблюдается устойчивое снижение доли людей, считающих отцовство легким, и в старших возрастных группах. После 44 лет доля позитивных оценок падает с 30,1 % в когорте 44–48 лет

до 7,5 % у респондентов старше 69 лет. Связь между возрастом и оценкой отцовства, судя по коэффициенту V Крамера (0,207), можно охарактеризовать как слабую, хотя статистически она является значимой.

Пик оптимистических оценок в группе 29–33 лет, на наш взгляд, не случаен: этот возраст совпадает с наиболее интенсивным этапом родительства, когда физические и эмоциональные ресурсы еще высоки, а опыт кризисов накопиться не успевают. Снижение доли ответов «легко» в старших когортах, напротив, может свидетельствовать о пересмотре отношения к отцовству. Жизненные трудности, экономические проблемы и разрушение стереотипов о родительстве, безусловно, меняют мнение о простоте роли отца. Умеренные оценки молодежи до 28 лет объясняются отсутствием личного родительского опыта: их суждения носят скорее гипотетический характер. В целом возрастная кривая напоминает перевернутую U-образную форму: максимум приходится на активный родительский возраст, после чего следует монотонный спад. Такая динамика, по-видимому, отражает не только индивидуальные изменения, но и ценностные сдвиги между поколениями (табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов респондентов, считающих отцовство легким возрасту, в мужской и женской подвыборках (% в возрастной группе)

Table 1. Distribution of respondents who consider fatherhood easy across age groups in male and female subsamples (% by age group)

<= 23	24–28	29–33	34–38	39–43	44–48	49–53	54–58	59–63	64–68	69 +
Все наблюдения (V Крамера = 0,207)										
22,4	22,2	36,2	29,7	31,5	30,1	23,5	24,5	16,8	16,1	7,5
Женщины (V Крамера = 0,270)										
36,2	43,5	34,6	28,9	34,1	28,1	25,0	24,1	11,9	9,7	7,0
Мужчины (V Крамера = 0,205)										
11,5	14,0	38,2	30,6	28,1	31,8	21,9	25,0	22,9	24,5	8,8

Сравнение возрастной динамики мужчин и женщин выявляет существенные различия в восприятии сложности отцовства. У женщин (V Крамера = 0,270) наблюдается выраженный юношеский оптимизм с абсолютным пиком в 24–28 лет (43,5 %), затем следует спад с резким снижением после 59 лет (7–12 %). Мужчины (V = 0,205) демонстрируют более поздний пик в 29–33 года (38,2 %) и высокую стабильность оценок (21–31 %) на протяжении 30–64 лет с поздним спадом после 69 лет (8,8 %).

Ключевое различие заключается в том, что женщины проявляют максимальный оптимизм до начала активного материнства, что может отражать идеализированные ожидания от мужской роли, сформированные медийным дискурсом «нового отцовства» и отсутствием личного опыта. Мужчины достигают пика уже на этапе начала отцовства и сохраняют устойчивые умеренно оптимистичные оценки в течение всего активного

родительского периода. Разница в силе связи свидетельствует о большей вариабельности женских оценок, тогда как мужские демонстрируют стабильность, соответствующую меньшей изменчивости социальных ролей мужчин в семье. Таким образом, гендерная специфика возрастных оценок отцовства отражает различия в жизненном опыте и социальных ожиданиях. Женщины демонстрируют более ранний оптимизм и поздний пессимизм, мужчины — реалистичный пик в начале отцовства и стабильность в среднем возрасте. Визуальное отображение динамики представлено на рисунке 1.

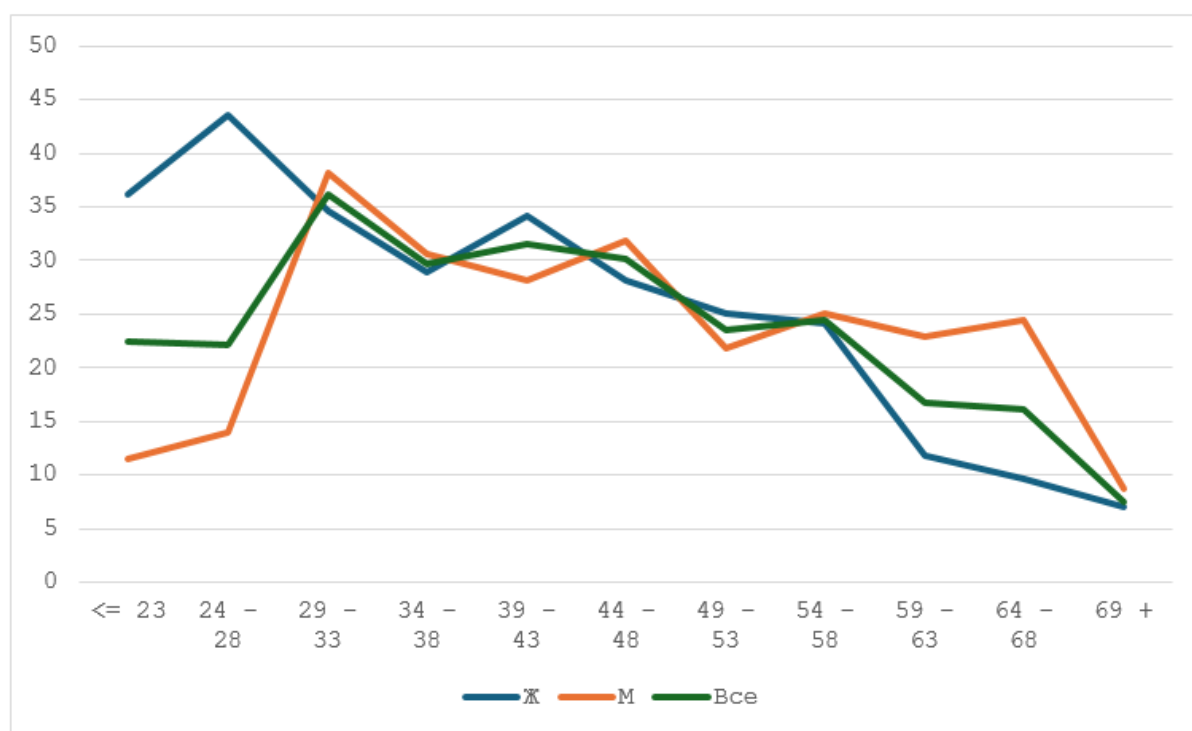

Рис. 1. Половозрастная динамика мнений относительно того, легко ли быть в современном обществе отцом (%)

Fig. 1. Age- and gender-specific variation in views on whether it is easy to be a father in contemporary society (%) (%)

Содержание представлений о качествах идеального отца. Ключевой вопрос анкеты был сформулирован в виде неоконченного предложения и звучал: «Продолжите фразу "Хороший отец — это тот, кто...". Вы можете назвать до трех вариантов». Вопрос носил открытый характер и предполагал самостоятельную формулировку респондентами своих ответов. Полученные ответы были систематизированы и сгруппированы в 35 семантических категорий, отражающих тот или иной аспект современного отцовства. Категории мы укрупнили в 7 групп, отражающих базовые измерения феномена современного отцовства. Распределение ответов респондентов и их принадлежность к группам представлены в таблице 2.

Таблица 2. Семантическая группировка ассоциаций качеств современного отцовства
Table 2. Semantic grouping of associations related to the qualities of contemporary fatherhood

Ответ	%
Группа 1 (48,8 %) <i>Участие в жизни ребенка, воспитание — отражает практическую вовлеченность отца в процесс развития и становления личности ребенка</i>	
04. Занимается воспитанием / участвует или хорошо воспитывает	35,2
06. Внимательный	0,6
12. Дал образование / знания	0,8
17. Занимается с ребенком / проводит время / участвует в жизни	7,0
19. Интересуется жизнью детей / разговаривает / прислушивается	5,2
Группа 2 (49,3 %) <i>Эмоционально-личностные характеристики — объединяет показатели эмоциональной близости, принятия и личностной привязанности</i>	
01. Кто любит своего ребенка	17,8
08. Поддерживает / верит в своего ребенка	12,7
14. Будет другом	0,8
16. Заботливый	12,3
20. Понимающий / не осудит	4,3
33. Балует	0,3
34. Дал жизнь / родил / родной отец	1,1
Группа 3 (10,4 %) <i>Экономическая функция, содержание семьи — охватывает аспекты материального обеспечения и финансовой ответственности</i>	
18. Содержит семью / зарабатывает / кормилец	9,3
26. Работает	1,1
Группа 4 (18,4 %) <i>Функция обеспечения безопасности — включает характеристики защиты, стабильности и надежности</i>	
02. Ответственность / опора / можно положиться / надежный	5,5
07. Защита / безопасность / спокойствие	5,7
09. Всегда придет на помощь / помощь / выручка	6,1
22. Мужественный / готов умереть за семью	1,1
Группа 5 (31,5 %) <i>Авторитет, ответственность. Отражает статусные и властные характеристики отцовства</i>	
05. Служит примером / авторитет / личность / глава семьи	8,1
10. Вырастил детей	4,4
11. Дает советы / наставления	3,8
15. Думает о будущем ребенка / семьи	1,0
21. Патриот / любит свою страну / Родину	0,9
23. Научит жизни / передаст опыт	8,2
27. Справедливый	1,3
28. Уважает / уважаемый	3,4
35. Мудрый	0,4
Группа 6 (14 %) <i>Ориентация на семью — демонстрирует направленность отца на сохранение и развитие семейных связей</i>	
03. Всегда рядом / дома находится	8,7
24. Не бросает детей / семью	2,0
31. Хороший семьянин / семейный человек	3,3
Группа 7 (9,1 %) <i>Личностные качества — объединяет характеристики, отражающие общую адекватность и социально одобряемые черты личности</i>	
13. Добрый / доброжелательный	1,8
25. Без вредных привычек / не пьет	1,5
29. Честный / порядочный	1,5
30. Хороший отец / хороший человек / мой отец	3,6
32. Адекватный / не бьет детей	0,8

Анализ сопряженности данного вопроса с полом показал, что женщины и мужчины по-разному ассоциируют качества хорошего отца. Статистическая значимость различий подтверждается результатами теста хи-квадрат (χ^2): 35.29, (df): 6, p-value: <0,0001) (рис. 2).

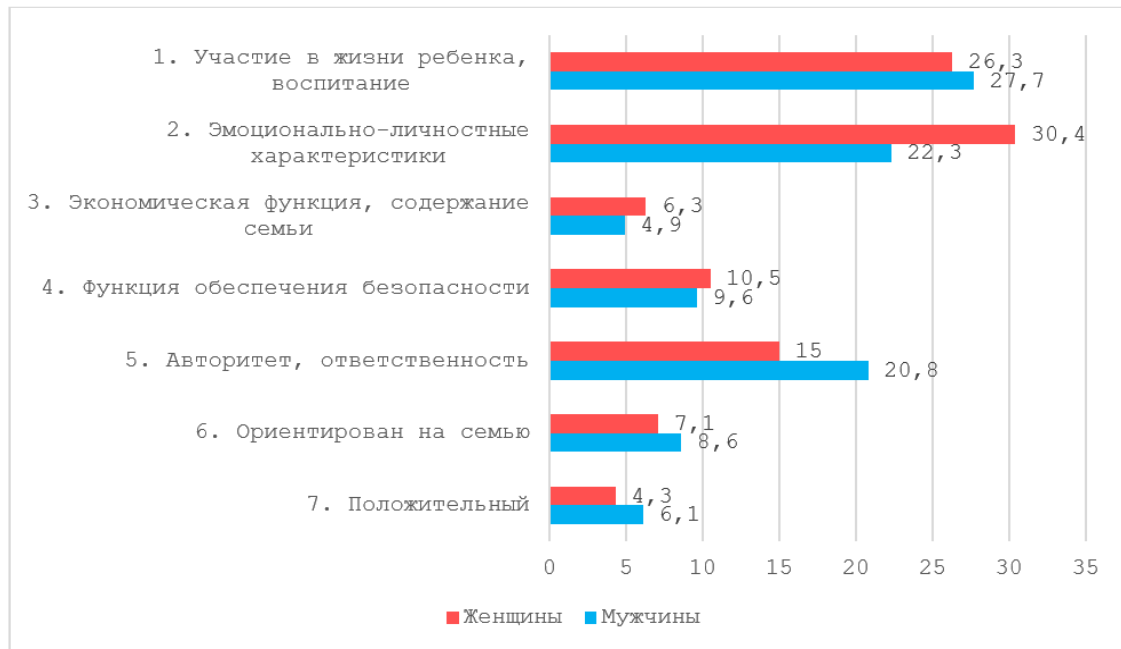

Рис. 2. Распределение групп качеств отцовства по полу (% в категории пола)
Fig. 2. Distribution of fatherhood quality groups by gender (% within gender group)

Статистически значимое различие в распределении ассоциаций «хороший отец» по полу обусловлено преимущественно двумя группами качеств (группы 2 и 5). Женщины значимо чаще мужчин ассоциируют хорошего отца с характеристиками, отражающими их ориентацию на эмоциональную близость и повседневную вовлеченность отца в жизнь ребенка. Мужчины, напротив, значительно чаще представлены в группе «Авторитет, ответственность», подчеркивая традиционные — статусные, властные и морально-ответственные — функции отцовства.

Обращают на себя внимание чуть более высокие, чем у женщин, ожидания у мужчин относительно участия в жизни ребенка (группа 1). Несмотря на то, что различия здесь менее резкие, чем в описанных выше группах, сам факт такого распределения требует интерпретации. Полагаем, что подобная ситуация может отражать две тенденции характерные для семейной сферы: культурный запрос «нового отцовства» и высокая разводимость, в результате которой мужчины оказываются дистанцированы от родных детей.

Еще более размыты, но показательны гендерные различия, связанные с материальным обеспечением и обеспечением безопасности (группы 3 и 4). Женщины придают этим функциям идеального отца заметно большее значение, чем мужчины. И напротив,

такие качества, как ориентация на семью и проявление положительных черт характера, мужчины отмечали чаще (группы 6 и 7).

Таким образом, можно констатировать более выраженную ориентацию женщин на инструментальные функции отца и смещение у мужчин акцентов на экспрессивные функции. На наш взгляд, это свидетельствует о продолжающемся влиянии традиционных ожиданий на женские представления. Мужчины же склонны смещать фокус на иные аспекты отцовства, считая безопасность и материальное обеспечение само собой разумеющимся.

Анализ взаимосвязи рассматриваемого вопроса с уровнем образования также выявил статистически значимые различия между респондентами с разным образовательным статусом. ($\chi^2 \approx 70,64$; (df) = 18; p-value $\approx 3,5 \cdot 10^{-8}$ (p < 0,001)) (табл. 2). Отметим, что при построении таблицы сопряженности группы респондентов без основного общего образования (4 наблюдения) и имеющие такое образование (50 наблюдений) были объединены, ввиду их малочисленности, с обладателями среднего общего образования (233 наблюдений).

Таблица 2. Распределение групп качеств идеального отца по уровню образования респондентов (% в категории образования)

Table 2. Distribution of ideal father quality groups by respondents' educational background (% within educational group)

Группа качеств	Уровень образования (%)			
	Среднее общее и ниже	Среднее профессиональное	Высшее (незаконченное высшее)	Два и более высших, ученая степень
1. Участие в жизни ребенка, воспитание	36,9	31,3	21,8	22,8
2. Эмоционально-личностные характеристики	17,1	25,9	30,4	29,1
3. Экономическая функция, содержание семьи	5,0	6,1	6,0	4,3
4. Функция обеспечения безопасности	9,9	9,5	10,0	13,2
5. Авторитет, ответственность	14,6	14,7	18,9	22,4
6. Ориентирован на семью	10,5	7,3	8,1	3,9
7. Положительный	6,1	5,2	4,8	4,2
Всего	100	100	100	100

Из приведенных данных видно, что важность участия идеального отца в жизни ребенка постепенно снижается с ростом образовательного уровня и в случае с ориентированностью на семью (группы 1 и 6). Противоположная тенденция в запросе

к эмоционально-личностным характеристикам и группе ответов, связанных с авторитетностью и ответственностью отца (группы 2 и 5).

Такие результаты можно объяснить тем, что менее образованные респонденты чаще видят идеального отца как активного воспитателя и участника повседневной жизни, что связано с традиционными нормами. В группах с невысоким социальным капиталом сохраняется модель, где отец должен быть «присутствующим» (воспитывает, занимается, проводит время), чтобы компенсировать материальные трудности или сложности с доступом к внешним ресурсам (детсады, кружки). Значительный акцент на стабильности семьи как самостоятельной ценности в данной когорте может быть связан с потребностью избежать риска развода и вероятного снижения уровня жизни.

С ростом образования акцент смещается: люди чаще делегируют воспитание профессионалам (образование, психологи, курсы), а от отца ожидают других ролей — эмоциональной поддержки или авторитета. Это отражает индивидуализацию и специализацию ролей у представителей (условно) среднего класса. Семья здесь чаще воспринимается функционально — как средство для самореализации всех ее членов. В среде высокообразованных людей чаще распространены эгалитарные брачные отношения, где принцип «семья ради семьи» не является доминирующим; акцент смещается на индивидуальные характеристики отца, а не на коллективную «семейность».

Таблицы сопряженности рассматриваемого вопроса с другими социально-демографическими не выявили статистически значимых различий. Представления об отце относительно однородны по России, независимо от федерального округа, материального положения семьи и типа населенного пункта.

Выводы

Приведенные в работе результаты демонстрируют, что представления россиян относительно отцовства нельзя однозначно отнести к традиционной либо современной модели. В разных сегментах общественного мнения, скорее, присутствуют их различные соотношения. Действительно, с одной стороны, материальное обеспечение, защита и авторитет мужчины сегодня не теряют своей актуальности. С другой стороны, в российском социуме постепенно формируется установка на более эмпатичное отношение к детям и участие в их повседневной жизни со стороны мужчин. Это свидетельствует о значимости вовлеченного отцовства в современном обществе, однако в различных социально-демографических группах данная потребность проявляется по-разному.

Возрастные различия в оценке трудности отцовской роли проявляются наиболее отчетливо. Доли респондентов, не считающих отцовство трудной задачей, растут до возраста, совпадающего с пиком репродуктивной активности (у женщин 24–28 лет, у мужчин 29–33 лет), а потом планомерно снижаются к старшим возрастным группам. Подобное явление можно объяснить различным соотношением ожиданий и жизненного опыта в разные периоды жизни людей, причем у мужчин и женщин характер этого ба-

ланса проявляется по-разному. Для молодых женщин образ отца, вероятно, идеализируется и связан с нормативными ожиданиями, в которых отец выступает надежным, поддерживающим и эмоционально включенным партнером. По мере накопления реального семейного опыта, связанного с трудностями совмещения родительства, домашних обязанностей и занятости, такая позиция корректируется, а оценки отцовской роли становятся сдержанными.

У мужчин прослеживается несколько иная возрастная динамика. До периода создания семьи и появления детей роль отца чаще воспринимается как сложная и требующая значительных усилий. Заметный сдвиг в сторону ее положительной оценки приходится на период 29–33 лет. В последующих возрастных группах этот показатель плавно снижается без резких колебаний. Такая динамика позволяет заключить, что отношение мужчин к отцовству связано с непосредственным опытом выполнения данной роли. По мере появления детей и включения в практики заботы о ребенке отцовство, вероятно, начинает восприниматься как более освоенная и адекватно воспринимаемая часть жизни.

В содержании образа хорошего отца гендерные различия также проявляются довольно отчетливо. Мужчины, характеризуя его идеальные качества, упоминают авторитет, ответственность, наставничество, ориентацию на семью и положительные личностные качества, акцентируя, таким образом, внимание на нормативных, статусных и воспитательных аспектах отцовства. Женский взгляд формулирует запрос на заботе и эмоциональной близости с ребенком, ожидая при этом материальную поддержку и защиту семьи. Полученные результаты позволяют предположить, что в представлениях респондентов происходит трансформация традиционной модели отцовства. Образ хорошего отца по-прежнему включает ответственность, материальное обеспечение, защиту семьи и авторитет, однако эти характеристики дополняются ожиданиями эмоциональной близости и заботливого участия в жизни ребенка. Такое сочетание традиционных и эгалитарных норм можно рассматривать как проявление переходной, или гибридной, модели отцовства, в которой роль кормильца сохраняется, но уже не воспринимается как достаточное условие хорошего отцовства.

Образовательный фактор также влияет на особенности восприятия отцовства и отражает различия в ресурсах и организации семейного быта. Респонденты с невысоким образованием, как правило, чаще упоминают необходимость личного присутствия отца в повседневной рутине и характеризуют идеального отца как ориентированного на семью человека, проводящего время и непосредственно участвующего в воспитании ребенка. Вероятно, что в такой установке скрываются латентные опасения развода, следствием которого станет угроза стабильности и потеря ключевого канала поддержки. В условиях ограниченных ресурсов, характерных для людей с невысоким социальным капиталом, требование физического присутствия может быть защитной стратегией, направленной на сохранение целостности семьи. Среди респондентов с высоким образовательным уровнем внимание на физическом присутствии акцентируется реже, смещаясь

на качество взаимодействия и эмоциональную вовлеченность в воспитательный процесс. Логично предположить, что подобная установка может быть следствием более широкого доступа к социальным ресурсам и экономической автономности, снижающим последствия для детей от потенциального распада семьи. Отцовство в таких группах воспринимается не как «страховка от развода», а как добровольный вклад в развитие ребенка.

Примечательно, что статистически значимых различий в представлениях об отцовстве по федеральным округам, типу населенного пункта семьи не выявлено. По всей видимости, подобная территориальная однородность связана с существованием общего для страны нормативного поля, сформировавшегося под влиянием СМИ, государственной семейной политики, системы образования и других институциональных акторов. В результате базовый образ отцовской роли воспроизводится в разных территориальных и поселенческих контекстах, что создает устойчивую основу для формирования и реализации общенациональной политики поддержки ответственного и вовлеченного отцовства.

В целом в современном российском обществе восприятие отцовства складывается из устоявшихся традиционных представлений и новых ожиданий, связанных с более активным участием мужчины в жизни ребенка. Такое сочетание свидетельствует о постепенной трансформации отцовской роли, требующей соответствующей реакции со стороны государства. Сегодня важны такие меры, как создание условий, в которых мужчина сможет одновременно нести материальную нагрузку и реально участвовать в заботе и воспитании детей. Необходимы: доступные механизмы отпуска по уходу за ребенком, гибкие формы занятости, включение отцов в программы подготовки к родительству и семейного консультирования. При этом меры, направленные на поддержку вовлеченного отцовства, должны учитывать неоднородность общественных представлений и избегать универсального образа «идеального отца», одинаково применимого ко всем социальным группам.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors

All authors contributed equally to the preparation of the manuscript.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests. The authors declare no conflict of interests.

Список источников

1. Lamb M. E. (Ed.). *The Role of the Father in Child Development*. 3rd ed. New York: John Wiley & Sons, 1997. 544 p.

2. Parsons T., Bales R. F. *Family, Socialization and Interaction Process*. Glencoe, IL: The Free Press; 1955. 422 p.
3. Connell R. W. *Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1987. XVII, 334 p.
4. Хитрук Е. Б. Концепция гегемонной маскулинности в теории Рэйвин Коннелл: от XX к XXI столетию. *Социологический журнал*. 2017;23(4):8–30. <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.4.5526>.
5. Липасова А. Модели отцовства в среднем классе современной России. *Социологическое обозрение*. 2016;15(4):202–214. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2016-4-202-214>
6. Ермолова Е. О., Радионова Д. О. Влияние гегемонной маскулинности на формирование ответственного отцовства. *Вестник психологии и педагогики Алтайского государственного университета*. 2022;4(3):14–27. URL: <https://bppasu.ru/article/view/11893>
7. Гурко Т. А. *Отцовство: представления и практики*. Блог Института социологии РАН. 24 сентября 2024. URL: https://www.isras.ru/blog_gurko3.html
8. Авдеева А. В. «Вовлеченное отцовство» в современной России: стратегии участия в уходе за детьми. *Социологические исследования*. 2012;(11):95–104. URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2012_11/Avdeeva.pdf
9. Безрукова О. Н., Самойлова В. А. Отцовство в современной России: смыслы, ценности, практики и межпоколенческая трансляция. *Социологические исследования*. 2022;(2):94–106. <https://doi.org/10.31857/S013216250016969-8>.
10. Шевченко И. О. *Отцы и отцовство в современной России: социологический анализ*. Москва : Тривант; 2019. 298 с.
11. Ростовская Т. К., Васильева Е. Н. Социальный портрет одиноких отцов: анализ в рамках концепции ответственного родительства. *Социальное пространство*. 2023;9(1). <https://doi.org/10.15838/sa.2023.1.37.2> URL: <http://socialarea-journal.ru/article/29561>
12. Янак А. Л. Факторная модель отцовской вовлеченности. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2022;25(4):140–176. <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.4.6>

References

1. Lamb M. E. (Ed.). *The Role of the Father in Child Development*. 3rd ed. New York: John Wiley & Sons, 1997.
2. Parsons T., Bales R. F. *Family, Socialization and Interaction Process*. Glencoe, IL: The Free Press; 1955. 422 p.
3. Connell R. W. *Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1987. XVII, 334 p.
4. Khitruk E. B. The concept of hegemonic masculinity in the theory of Raewyn Connell: from the XX to the XXI century. *Sotsiologicheskij zhurnal*, 2017;23(4):8–30. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.4.5526>.
5. Lipasova A. (2016). Fatherhood models in the middle class of contemporary Russia. *Sotsiologicheskoye obozreniye*, no. 4, pp. 202–214. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2016-4-202-214>
6. Ermolova E. O., Radionova D. O. Impact of hegemonic masculinity on the formation of responsible fatherhood. *Bulletin of Psychology and Pedagogy of Altai State University*. 2022;4(3):14–27. (In Russ.). URL: <https://bppasu.ru/article/view/11893>
7. Gurko T. A. *Fatherhood: perceptions and practices*. Blog Instituta sotsiologii RAN, 24 September 2024. (In Russ.). URL: https://www.isras.ru/blog_gurko3.html

8. Avdeeva A. V. (2012). "Involved fatherhood" in modern Russia: strategies of participation in child care. *Sociological Studies*. 2012;(11):95–104. (In Russ.) URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2012_11/Avdeeva.pdf
9. Bezrukova O. N., Samoilova V. A. Fatherhood in Modern Russia: Meanings, Values, Practices and Intergenerational Translation. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2022;(2):94–106. <https://doi.org/10.31857/S013216250016969-8>.
10. Shevchenko I. O. *Fathers and fatherhood in modern Russia: sociological analysis*. Moscow: Trovant; 2019. (In Russ.)
11. Rostovskaya T. K., Vasilieva E. N. Social Portrait of Single Fathers: an Analysis within the Framework of Responsible Parenthood. *Social area*. 2023;9(1). (In Russ.). <https://doi.org/10.15838/sa.2023.1.37.2> URL: <http://socialarea-journal.ru/article/29561>
12. Yanak A. A Factorial Model of Paternal Involvement. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2022;25(4):140–176. (In Russ.). <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.4.6>

Информация об авторах / Information about the authors

Фарахутдинов Шамиль Фаритович, кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора этнологии и социальной антропологии, Институт проблем освоения Севера Тюменского научного центра СО РАН, Тюмень, fshamil@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0849-7248>; РИНЦ SPIN-код: 8072-8282; Web of Science Researcher ID: I-6296-2018; Scopus Author ID: 57195493757

Мехришвили Ламара Ленгизовна, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, mehrishvilill@tyuiu.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8144-3652>; РИНЦ SPIN-код: 9893-9080; Web of Science Researcher ID: GLQ-9744-2022; Scopus Author ID: 59254688700

Shamil F. Farakhutdinov, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Senior Researcher of the Sector of Ethnology and Social Anthropology, Institute of Problems of Northern Development, Tyumen Scientific Centre SB RAS, Tyumen, fshamil@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0849-7248>; RSCI SPIN code: 8072-8282; Web of Science Researcher ID: I-6296-2018; Scopus Author ID: 57195493757

Lamara L. Mekhrishvili, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS, Moscow, mehrishvilill@tyuiu.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8144-3652>; RSCI SPIN code: 9893-9080; Web of Science Researcher ID: GLQ-9744-2022; Scopus Author ID: 59254688700

Поступила в редакцию / Received 01.04.2026

Поступила после рецензирования / Revised 22.04.2026

Принята к публикации / Accepted 05.05.2026